

Достоевский. Головокружение | Dostoïevski. Le vertige

Auteur: Омер Зульфю Ливанели (Перевод с турецкого Аполлинаруи Аврутиной),
[Стамбул](#) , 11.11.2021.

В. Перов. Портрет Ф. М. Достоевского (Государственная Третьяковская галерея, Москва))

Сегодня литературный мир отмечает 200-летие со дня рождения Федора Михайловича Достоевского, появившегося на свет 11 ноября 1821 года в Москве. Наша Газета много писала о швейцарском периоде его жизни, а сегодня предлагаем вашему вниманию размышление о нем известного турецкого писателя Омера Зүльфю Ливанели.

|

Le monde littéraire célèbre aujourd'hui le bicentenaire de la naissance de Feodor Dostoïevski, né le 11 novembre 1821, à Moscou. Voici l'hommage que l'auteur turque Ömer Zülfü Livaneli rend au classic russe.

Dostoïevski. Le vertige

Не будет преувеличением сказать, что нет в мире другой литературы, которая столь же сильно повлияла бы на турецкую, как русская. Турки имели литературную традицию, опирающуюся на буддизм, на манихейство, на шаманизм, но с принятием в 10 веке ислама на нее начали влиять арабская и персидская культурные традиции. 19 век стал периодом господства французской и русской литературы, и со временем чарующее воздействие русского романа на массового читателя лишь усилилось.

Мое поколение, поколение 1960-х, запоем читало Пушкина, Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова, Салтыкова-Щедрина, Зоценко, Гончарова, Лермонтова... Среди этой плеяды литературных гениев в Турции всегда выделялись двое: Толстой и Достоевский. Их романы были переведены на турецкий язык непосредственно с русского первоклассными переводчиками, без купюр. У нас кружилась голова от этих шедевров, повествовавших в основном о простых людях, а не об аристократах. Их герои вызвали сочувствие и сострадание – те самые чувства, которые делают русскую литературу великой. Это головокружение продолжается и сейчас.

Однажды я оказался в Санкт-Петербурге для презентации одной из моих книг, переведенных на русский. У меня было чувство, будто я гуляю по храму литературы. Возможно, россияне давно привыкли к этому, но для нас, иностранцев, Петербург – потрясающий город. Презентация проходила в «Буквоеде» на Невском проспекте, описанном в огромном количестве романов, и прогулки в этой атмосфере, по улицам, которыми ходили великие писатели, стали для меня незабываемыми. Приехав на радио для записи передачи и войдя в старый, мрачный двор, окруженный желтыми, пропитанными сыростью домами, я сказал: «Здесь пахнет Достоевским». Оказалось, это было недалеко от «дома Раскольникова», отчего я сразу ощутил себя героем романа.

В прошлом году мой турецкий издатель попросил меня написать предисловие к новому переводу «Преступления и наказания», и я растерялся. Конечно, речь шла о романе, который я перечитывал много раз и знаю почти наизусть с ранней юности, о романе, который неизменно меня восхищал, но разве есть еще что-то, что не сказано о Достоевском? Смогу ли я написать что-то новое в этом предисловии, избежав штампов?

Пока я размышлял над этой проблемой, мне на глаза попала статья одного нашего интеллектуала, владеющего русским языком, опубликованная в литературном журнале. Автор сравнивал Достоевского и Толстого. Первый выходил у него космополитом-западником, а второй – националистом. Подобный подход очень

огорчил меня: это полностью противоречило всему тому, что я знал, о чем читал. Конечно, как и многие другие писатели того времени, Толстой проповедовал спасение, веру в Иисуса Христа, близкую славянской душе, но он никогда не был фанатиком, не признававшим другие народы и религии.

Не будучи русским, непросто понять природу тех общественных потрясений, которые и определили место русского романа 19 века в мировой литературе, вдохновив, возможно, самые блестящие его образцы. Но хотя бы попытаться сделать это необходимо!

Чтобы понять и полюбить творчество Достоевского, надо прочитать отзыв В. Белинского на первый его роман, «Бедные люди». Надо иметь представление о времени, в которое он творил. Все современные ему писатели стремились отразить общество, семимильными шагами продвигавшееся к революции, не скрывая его проблем. Перед огромной, но умиравшей, распадавшейся империей стоял жесткий вопрос: за кем последовать? Кто или что спасет страну: европеизация? религия? русское крестьянство? революция и радикальная перестройка общества? Когда читаешь романы, поэзию и драматургию того времени, то, если удастся не обращать внимания на порой чересчур напыщенные и вычурные фразы, складывается впечатление, что в каждом произведении бьется собственный пульс, идет своя жизнь. Кажется, будто внутри каждого из них – бомба, которая неизвестно когда взорвется.

В романах того времени, словно вышедшая из берегов река, кипит возбужденное революционными идеями общество: аристократы и мужики, чиновники и студенты, анархисты и левые, покушения на царя, тайные общества, за каждым шагом которых следит тайная полиция, ссыльные в Сибирь – все это бурлит в русском романе.

Это бурление заставило писателей, остро чувствовавших грядущие перемены, создавать философские романы, каждая буква в которых представляет то или иное общественное явление. Все разговоры, будь они в поезде, на литературном вечере, на светском приеме, в трактире, во время прогулки по полям, – об одном: о судьбе России. Но герои при этом не выглядят схематичными, идеологически направленными, искусственными. Это герои большой литературы, они представляют не только Россию – они отражают глубокий внутренний мир всего человечества.

В то время граф Толстой, отрицая религию, которую проповедовали в церкви, начинает верить в простодушие Иисуса Христа и чистоту души русских крестьян, Тургенев ищет спасение России в европеизации, Чехов подсмеивается над скучающими, пребывающими в кризисе и запутавшимися людьми из провинциальных имений, Горький, как писатель из низов, вводит в русскую литературу «мужиков», Достоевский опускается на самое дно человеческой души и исследует чувство вины. Обращаясь к некоторым простым религиозным категориям, он часто провидчески говорит о безрадостном будущем нового, сложного мира.

Современники обвиняли Достоевского в том, что его романы не реалистичны, что они изображают людей с плохой стороны, что в них описаны надуманные поступки и суждения. Несмотря на то что, например, сюжет «Преступления и наказания» был почерпнут из газеты, то есть убийство старухи-процентщицы студентом на самом деле произошло, и читатели, и коллеги по писательскому цеху считали это гениальное творение, продемонстрировавшее низменные стороны человеческой души, большим преувеличением. После революции эти слова повторял даже Ленин,

называя великого писателя «гением злодейства» и указывая на то, что советский писатель должен изображать положительных героев.

Теперь-то мы знаем, что раскольниковы и карамазовы – среди нас. В 1970-х годах в Стамбуле произошло так называемое «чемоданное» убийство: три студента левых взглядов убили своего товарища, считая его предателем, и спрятали труп в чемодан. Эта история напоминает убийство Шатова в романе Достоевского «Бесы». В обоих случаях тайное общество состояло из юношей и девушек, в обоих они заподозрили своего друга в предательстве, решив, что он – тайный агент полиции. Достоевский повествует о новом будущем человеческой души, способной к раскаянию. Кстати, ту же работу проделал в романе «Воскресение» Толстой.

Приходится с грустью признать: спасение души, которого удостоивается Раскольников и которое достигается полным раскаянием и признанием своих преступлений, не имеет веса для большей части человечества. Например, в нашем восточном обществе стыд, позор, внешнее влияние окружающих воздействуют на человека гораздо сильнее, чем осознание собственной вины и раскаяние. К слову, в 1970-е годы молодые люди националистического, правого толка, именовавшие себя «бозкуртами», что дословно переводится как «серые волки», радостно шли пить раки, совершив очередное убийство, и потом рассказывали на суде, как они счастливы. Они вовсе не раскаивались. Вина, которую не осознаешь, – не вина. Поэтому в турецком романе мало раскольниковых. Герой восточного романа, представитель мусульманского общества, обычно не ведает ни стыда, ни раскаяния.

Предстает перед нами Достоевский и как славянин-националист. В его жарких публицистических текстах турок-осман изображен настоящим злодеем, который не щадит ни женщин, ни детей. Достоевский призывает русский народ к действию. Он считает, что Священный Константинополь пора давно забрать из рук варваров и вернуть грекам. Владеть великим городом достойны только русские.

В то же время Достоевский препарировал человеческую душу так, что читатель ощущает себя полностью обнаженным перед ним. Раскольников, Дмитрий, Иван, Алеша – их история в какой-то момент становится нашей, турецкой историей, и мы, преисполнившись страсти, задаемся вопросом, что есть преступление, а что – наказание и что победит в человеческой душе: свет или тьма.

Достоевский – писатель, сумевший лучше всех показать внутренний мир человека-пассионария. Диалектическая пара «преступление и наказание» – а может быть, вовсе и не пара, а единое целое, состоящее из двух частей, – отразилась в романе, который Достоевский написал, блуждая в лабиринтах человеческой души. И кто из нас хотя бы раз не пережил «раздвоение личности», как господин Голядкин, трагикомический герой повести «Двойник»?

Все турки знают, что Достоевский долгие годы был несчастлив в браке, но однажды встретил девушку по имени Анна, которая стала его женой и навела порядок в его жизни и творчестве. У нас бытует легенда, что, когда после недолгого периода счастья великий романист скончался и на похоронах Анну спросили: «Вы очень молоды. Собираетесь ли еще раз замуж?», она ответила: «Достоевский умер, а Толстой слишком стар. Разве теперь остались в мире мужчины для замужества?».

Другой Достоевский в мире так и не появился.

Об авторе: Омер Зюльфю Ливанели – знаковая фигура в современной Турции. Композитор, певец, писатель, кинорежиссер и политический деятель, всегда придерживавшийся левых, социалистических взглядов; в 1970-е годы, после ареста, он был вынужден покинуть Турцию. Жил в Стокгольме, в Париже, в Афинах. В 1984 году вернулся в Турцию и исполнил в Стамбуле свою песню «Мерхаба» («Добро пожаловать»), восторженно встреченную его многочисленными поклонниками.

По его собственному признанию, качественно новый этап в его жизни и творчестве начался после того, как в октябре 1986 года он, по приглашению Чингиза Айтматова, принял участие в Иссык-Кульском форуме, после чего стал регулярно бывать в России.

Литературное творчество Зюльфю Ливанели представлено в разных жанрах: рассказы, романы, пьесы, публицистика... В общей сложности его произведения переведены на 37 языков, три романа вышли на французском, в издательстве Gallimard (« Une saison de solitude », 2009; « La maison de Leyla », 2012; « Délivrance », 2006), и два на русском, в издательстве «Эксмо», – «История моего брата» (2013) и «Счастье» (2018).

От редакции: Двухсотлетие Ф. М. Достоевского - центральная тема 17-го печатного выпуска Нашей Газеты, экземпляр которого вы еще можете [заказать](#).

[Федор Достоевский](#)

[памятники культуры](#)

[достопримечательности швейцарии](#)

Статьи по теме

[Достоевский о Женеве: «Это ужас, а не город!»](#)

[О нелюбви Женевы к Достоевскому \(Продолжение\)](#)

[Память о Достоевском в Веве](#)

[Смешной Достоевский Франка Касторфа](#)

[Жак Медер: «Сон смешного человека» как завещание Достоевского](#)

[«Вина и искупление» - спектакль в Schauspielhaus Цюрих по роману Ф. М.](#)

[Достоевского «Преступление и наказание»](#)

Source URL: <https://nashagazeta.ch/news/culture/dostoevskiy-golovokruzhenie>